

ру, для мистера Ларсена. Отправить судно нет возможности. Оно принадлежит другому владельцу. Сибиряков А.М.». Ларсен и Джексон были в Иркутске в феврале 1882 г. 28 февраля они выехали на Лену. За день до этого оставшиеся в живых пять матросов и моряк Лич с «Жанетты» выехали в Петербург. Тела остальных участников экспедиции Де-Лонга были найдены в 1883 г. О церемонии прощания сообщает «Летопись города Иркутска» Н.С. Романова.

Восстановление биографий каждого из рода Сибиряковых затруднено отсутствием собранного воедино архива династии. Обобщение имеющегося разрозненного фактического материала, формирование фонда династии Сибиряковых способствует созданию реальной картины времени, составлению представлений о том, чем и во имя чего они жил.

М.Г. СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (1937–1938 гг.) В СССР

Активно обсуждаемой проблемой в отечественной историографии является определение числа репрессированных советских граждан в период «большого террора».

Наиболее ярким представителем зарубежной историографии, который обращался к анализу масштаба «большого террора» в СССР стал Р. Конквест. Он в частности писал, что «... к середине 1937 г. практически все население Советского Союза стало потенциальным объектом террора... К моменту падения Ежова было арестовано не менее 5% населения — каждый двадцатый» (*Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракстникс, 1991. С. 13, 55*).

А. Дугин, используя данные фондов Государственного архива РФ, пишет, что материалы его статьи не претендуют на окончательный ответ на все вопросы, касающиеся репрессий сталинизма. В 1937–1938 гг. общее количество заключенных, вновь поступивших в ИТЛ ГУЛАГа, составило 1 140 647 чел. Однако в числе арестованных в 1937–1938 гг. были и обычные уголовники. Число же арестованных по политическим мотивам составило за этот период 290 150 чел. (*Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7. С. 24*).

Так, один из первопроходцев в анализе темы сталинских репрессий в СССР Р.А. Медведев утверждает, что в 1936–1938 гг. по политическим мотивам было арестовано не менее 5 млн чел. (*Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 405*).

Более высокие цифры репрессированных озвучил А.В. Антонов-Овсеенко: «Опираясь на данные «статистиков органов» с 1935 по июнь 1941 г. через Лубянку и ее филиалы прошли 19 млн 840 тыс. чел. Из них

7 млн были расстреляны в тюрьмах» (*Антонов-Овсеенко А.В. Портрет тирана. М.: Грэгори Пэйдж, 1995. С. 272*). Правда автор не конкретизировал, сколько было арестовано граждан в 1937–1938 гг. (период, действительно массовых репрессий), но даже если, исходя из здравого смысла, предположить, что на эти годы приходится более половины всех арестов, то все равно искомое число выглядит недостаточное правдоподобным.

Не в полной мере подтверждены фактически данные, приведенные А.В. Бакуниным, который пишет: «По некоторым данным в 1930-е гг. было репрессировано до 20 млн чел. С учетом того, что накануне Отечественной войны в СССР насчитывалось 194 млн чел., репрессиям подвергался примерно каждый десятый житель страны. Эти цифры подтверждаются и расчетами по Уралу, где на 8 с лишним миллионов жителей в 1938 г. приходилось около 900 тыс. репрессированных» (*Бакунин А.В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург: Б.и., 1997. Кн. 2. Апогей. С. 116*).

Впервые на официальном уровне, ситуация связанная с определением числа репрессированных граждан в 1937–1938 гг., прояснилась после доклада генерал-майора министерства безопасности России А. Краюшкина, заявившего о том, что по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 чел., из них 681 692, или 50,7%, приговорено к высшей мере наказания. Эти данные стали определяющими в исследованиях В. Кожинова (*Кожин В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. С. 197*), В.П. Попова (*Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 29*), В.Н. Земскова (*Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60*) и И.В. Павловой (*Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. Вып. 3 / Науч. редактор-составитель И.В. Павлова. Новосибирск: Издательство СО РАН, 1997. С. 30*), В.В. Крылова (*Крылов В.В. Познание непознанного: историографические заметки // И.В. Сталин: Миф. Осмысление. Преодоление: Материалы к научно-образовательному форуму. Москва, 5–6 марта 2003 г. / под ред. М. Побережняку. М.: РГГУ, 2003. С. 31–32*), О.Б. Мозохина (*Мозохин О.Б. Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК-ОГПУ (1934–1940) // Военно-исторический архив. 2005. № 4. С. 182*).

По нашему мнению ситуация, сложившаяся в российской историографии на настоящий момент, связанная с определением числа советских граждан, репрессированных в годы «большого террора», наиболее достоверное отражение получила в статье А.К. Соколова «Ежовщина». В этой публикации автор отметил следующее: «... в последние годы стали доступными статистические данные, позволяющие судить о количественных параметрах и характере массовых репрессий в 1937 и 1938 гг. Во-первых, это — так называемая «лагерная статистика». Во-вторых, это данные двух переписей населения 1937 и 1939 гг., сведения которых, в том числе по

ГУЛАГу, стали достоянием гласности. Косвенно, для расчетов ущерба, нанесенного «ежовщиной», может быть использована текущая демографическая статистика, которая также была недавно рассекречена и сегодня активно вводится в научный оборот, а также другие материалы. Следует заметить, что данные этих разных по происхождению источников, практически совпадают». В целом по подсчетам А.К. Соколова в 1937–1938 гг. было арестовано 1 млн 576 тыс. чел. (Соколов А.К. *«Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) / под ред. В.П. Дмитриенко. М.: Б. и., 1999. С. 266–267).*

К данным, приведенным А.К. Соколовым, близка позиция В.П. Данилова, который считает, что в 1937–1938 гг. — на апогее «большого террора», было арестовано 1 565 041 чел., из которых 668 305 чел. были расстреляны (Данилов В.П. *Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 173).*

На региональном уровне проблема выяснения числа лиц, ставших жертвами «большого террора» также получила отражение.

По сибирскому региону можно выделить ряд следующих исследований.

К примеру, И.Н. Кузнецовым было установлено, что за период «большого террора» на территории Западной Сибири было арестовано 90 тыс. человек. Автор также попытался проанализировать социальный статус репрессированных: «Среди осужденных по политическим мотивам рабочие и крестьяне составляли около 64%, большинство из них до 50% было осуждено по ст. 58-10 (антисоветская (контрреволюционная агитация). До 60% всех репрессированных в крае в период 1930–1953 гг., было арестовано в 1937–1938 гг. Если в период 1930–1933 гг. по приговорам внесудебных органов было расстреляно до 14% заключенных, то в период 1937–1938 гг. — около 74%. Приведенные данные подтверждают, что репрессии осуществленные карательными органами на территории края носили плановый характер» (Кузнецов И.Н. *Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. С. 14).*

В.Н. Уймановым ряд данных, приводимых И.Н. Кузнецовым, не были восприняты как исходные. В частности, В.Н. Уйманов пишет по этому поводу следующее: «И.Н. Кузнецов со ссылкой на то, что якобы часть отчетов, справок, протоколов заседания «тройки» НКВД уничтожена в 1950-е гг., а архивы КГБ по всей видимости, полной гласности преданы не будут, точные данные о масштабе репрессий, по мнению Кузнецова, установить не представляется возможным, а поэтому исходя из предварительного анализа, число репрессированных на территории Запсибкрая в 1930–1953 гг. он выводит в 250 тыс. чел. При этом данные, полученные им из УКГБ СССР по Новосибирской, Кемеровской и Томской областям — 105 тыс. чел. он считает неполными, так как они не учитывают повторно репрессированных жителей Запсибкрая в лагерях,

колониях, тюрьмах, высланных в другие области, а также осужденных на территории других областей и республик страны. Далее он определяет число репрессированных по политическим мотивам в 1930–1938 гг. в 210 тыс. чел.» (*Уйманов В.Н. Репрессии как это было (Западная Сибирь в конце 20-х–начале 50-х гг.). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1995. С. 124–125*).

По мнению В.Н. Уйманова подсчеты И. Кузнецова неверны и завышены: «Во-первых, уничтожение отчетов, справок, протоколов заседания «тройки» и т.п. никак не может свидетельствовать о занижении или сокрытии истинной цифры потерь, хотя бы потому, что дела на осужденных по политическим мотивам не уничтожались (имеют гриф «хранить вечно») и не подвергались каким-либо техногенным воздействиям (пожар, наводнение и т.п.) ни в одном из территориальных органов государственной безопасности, расположенных на территории Западной Сибири. Во-вторых, приводимый Кузнецовым довод о повторном осуждении какой-то части ранее репрессированных также не может быть принят нами за доказательство о числе выводов. Это связано с тем, что повторные аресты имели место у абсолютного большинства подвергавшихся репрессиям. В-третьих, за годы работы над книгой памяти «Боль людская» не был «потерян» ни один человек» (*Уйманов В.Н. Указ. соч. С. 125*).

Другой сибирский историк — С.А. Папков справедливо заметил, что статистика жертв террора до сих пор является одной из наиболее сложных проблем в исследовании этого периода. Историк в этой связи пишет: «В нашем распоряжении — лишь часть документов, способных прояснить масштабы акций Политбюро и его местной агентуры. Согласно официальному строго секретному отчету Новосибирского управления НКВД, в Западно-Сибирском крае (современные Кемеровская, Томская, Новосибирская области и Алтайский край) в 1937 г. было репрессировано около 35-ти тысяч человек. ... Количество арестованных в 1938 г. было, по-видимому, значительно больше, чем год назад. Свидетельством этого служит тот факт, что для участия в операции были мобилизованы абсолютно все сотрудники НКВД, включая обслуживающий персонал» (*Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 219, 224*).

По Омской области число репрессированных граждан установила Л.В. Алексеева. По ее данным в области в 1937–1938 гг. «были расстреляны 12 тысяч человек, а тысячи несчастных людей сгинули в лагерях и на подневольных стройках социализма» (*Алексеева Л.В. Северо-западная Сибирь в 1917–1941-х гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского педагогического института, 2002. С. 187*).

Красноярский историк В.С. Сиротинин в статье «Коммунистический террор в Красноярском крае» приводит следующую статистику «большого террора» в Красноярском крае: «с 23 августа 1937 по 15 ноября 1938 г.

тройкой УНКВД по Красноярскому краю по политическим статьям было репрессировано 18 132 чел., из которых 12 603 были расстреляны. При том, что «тройки» руководствовались лимитами, утвержденными Политбюро» (Сиротинин В.С. *Коммунистический террор в Красноярском крае // Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 1. Красноярск, 2004. С. 28*).

Анализируя особенности реализации репрессивной политики в 1937–1938 гг. в Якутской АССР Т.С. Иванова отметила: «О широте и размахе репрессий, в Якутии не удалось выявить сколько-нибудь полных данных и проследить их динамику. Имеются лишь отрывочные сведения, но в различных источниках повторяется несколько раз одна и та же цифра — 1 800 чел. арестовано в Якутии за последний квартал 1938 г.» (Иванова Т.С. *Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х–30-е гг.)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 117).

Таким образом, определяя масштабы «большого террора» в СССР в настоящее время следует руководствоваться следующими факторами. Во-первых, из-за ограниченности на данный момент источниковой базы по проблематике (особенно ряда ведомственных архивов) максимально достоверными данными выступает статистика, озвученная как уже было выше сказано генерал-майором министерства безопасности России А. Краюшкиным. Данные, приведенные А. Краюшкиным стали исходными в определении масштабов «большого террора» в СССР 1937–1938 гг. в большинстве современных не только российских исследованиях, но и в зарубежной историографии (*Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / под ред. С. Куртуа, Н. Верта, Ж.-Л. Панне. М.: Три века истории, 1999. С. 193*). И, во-вторых, мы можем констатировать, что на данный момент в исторических публикациях не достаточно полно изучена проблема в выяснении числа жертв «большого террора» на региональном уровне. Именно это взаимодополнение центральной статистики региональной может в перспективе показать реальные масштабы массовых политических репрессий в СССР в 1937-1938 гг.

В.А. ШАЛАМОВ

ФОТОМАТЕРИАЛЫ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОЙ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В 30-е гг. XX в.

На современном этапе развития отечественной исторической науки все большее значение приобретает использование в качестве источников новых технических средств, таких как фотодокументы, кинодокументы, аудиозаписи, компьютерное моделирование и т.д. Историки все еще относятся к этому комплексу источников с недоверием. Чаще всего